

Георгий Дерлугьян

Как устроен этот мир

Наброски
на макросоциологические
темы

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА · 2013

УДК 316.3
ББК 60.56
Д36

Дерлугьян, Г.

Д36 Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы [Текст]. М.: Изд.-во Института Гайдара, 2013. — 384 с.
ISBN 978-5-93255-363-3

Макросоциология занимается соединением в понятную и логически проверяемую картину ключевых точек на изменчивом и хаотичном ландшафте реальной истории человечества. Сегодня здесь продолжается работа на основном стволе классической теории, восходящей к аналитическому материализму (но не идеологиям) Адама Смита, Карла Маркса, Макса Вебера, Йозефа Шумпетера и Фернана Броделя. Профессор-консультант РАНХиГС при Президенте РФ и профессор Нью-Йоркского университета Георгий Дерлугьян рассказывает, как его наука ищет ответы на большие и интересные вопросы. Откуда в древней истории столько развалившихся «затерянных» цивилизаций, и зачем обитатели острова Пасхи воздвигали гигантские статуи? Почему капитализм прорвался на крайнем западе Евразии, а не в Арабском халифате? Как из партии большевиков выросла непредусмотренная самим Максом Вебером харизматическая бюрократия? Почему в результате ее эрозии правящей элитой России стала не либеральная интеллигенция, не директорский корпус и не класс частных капиталистов, а некая «суверенная бюрократия»? И, наконец, откуда берется сама наука?

УДК 316.3
ББК 60.56

© Г. Дерлугьян, 2013
© Издательство Института Гайдара, 2013

ISBN 978-5-93255-363-3

Содержание

Предисловие · 7

Часть I. Вдали: мир как историческая система

Конец знакомого мира · 13

Страсти по модерну · 38

Польская геополитика · 57

А был ли нужен Пиночет? · 77

Эпоха механизированной власти · 91

Кризисы неизбежны, и как с этим бороться · 107

Часть II. Вблизи: наше место под солнцем

Траектория СССР: От побед до самоподрыва · 123

Чеченцы — спартанцы Кавказа · 140

О национальной гордости грузин · 166

Циклы неовотчинного правления
(и «цветных» революций) · 195

Суверенная бюрократия: тезисы к изучению
наших властвующих элит · 205

Россия на подвижном горизонте Америки · 225

Часть III. В уме: наука о мире

О нашем месте в истории · 245

Идейная эволюция столетия крайностей · 272

Современное обществознание · 292

Где и почему случается хорошая наука? · 372

Предисловие

Историческую макросоциологию — в массы!

ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ в этом сборнике статьи относятся к научно-популярному жанру. Популярны они по стилю и форме, т.е. писались в расчете на то, что образованный человек сможет читать их даже в метро, самолете или на ночь глядя. Это не публицистическая полемика и не обличение, равно как и не отвлеченная метафизика и не прикладная социология общественного мнения. Это именно научная популяризация, попытка ввести в широкий оборот фундаментальные теории последнего поколения, изобретенные для объяснения того, как возник, как устроен и как изменяется наш современный мир.

Существует и отечественная специфика причин, побудивших писать в доступной форме. Во-первых, это попытка противостоять порче научного языка, той усложненной и вычурной зауми, которая обычно считается признаком принадлежности к интеллектуальному сообществу. Положение дел усугубилось с появлением в последние годы массы скверных и попросту халтурных переводов с западных языков. А ведь еще довоенная (точнее, домассовая) научная классика читалась совсем иначе. Однако более серьезная причина, побуждающая объяснять доступно и интересно, кроется в самой тематике собранных здесь статей. Речь пойдет о становлении государств, возникновении классов и наций, противоречиях бюрократии и политического господства, истоках религиозных верований, о капитализме и кризисах, о социалистических движениях и революциях. Написал эти строки и сам невольно вздрогнул, потому что на память тут же приходят семинары по истмату, политэкономии и научному атеизму. Советская догма дискредитиро-

вала саму тематику, отчего в России, увы, бросили изучать пресловутое происхождение семьи, частной собственности и государства в тот самый момент, когда с распадом советского государственного сооружения расцвела роскошнейшая и актуальнейшая эмпирика. Хуже того, по излюбленному выражению Карла Маркса, мертвые цепко держат живых. Как писать о соотношении Запада, России и Востока, когда бывшие преподаватели научного коммунизма, ныне обернувшиеся культурологами, концептологами и конфликтологами, уже столько написали про это от всей своей уязвленной души? Что ж, остается наглядно показать, как можно писать совершенно иначе и на такие темы.

Имена основных теоретиков макроисторической науки достаточно известны специалистам — Фернан Бродель, Уильям МакНил, Чарльз Тилли, Джованни Арриги, братья Перри и Бенедикт Андерсоны, Рэндалл Коллинз, Майкл Манн, Иммануил Валлерстайн, Тимоти Эрл, Валери Банс, Джек Голдстоун. Все это значимые, но не самые знаменитые имена в социальной науке последних лет. Известность создают не концепции и теории, а их массовая аудитория, что в первую очередь зависит от политико-идеологических настроений и интеллектуальной моды. Оттого более известны Фрэнсис Фукуяма и Сэмюэл Хантингтон, вовремя предложившие американскому истеблишменту два соперничающих варианта реакции на внезапное исчезновение коммунизма и вознесение Америки; нобелевский лауреат Милтон Фридман, по-своему ответивший на запрос западных элит обосновать демонтаж послевоенных социал-демократических компромиссов перед лицом кризиса 1970-х гг. С другого фланга это Мишель Фуко, отразивший подавленные настроения леволиберальной интеллектуальной среды Парижа после всплеска эмоций 1968 года, и Славой Жижек, отчаянно борющийся с левой хандрой; либо Юрген Хабермас или Сэр Энтони Гидденс, взявшиеся после 1989 г. за авторитетную апологию демократизации, глобализации и евроинтеграции. Что ж, таков социальный механизм возникновения интеллектуальных мод, который, в свою очередь, полезно изучать и понимать. Работает он на протяжении всего Нового времени, и потому цикл мод обладает определенной предсказуемостью. Например, философ и писатель Анри Бергсон при жизни был даже популярнее Фуко

и уж точно куда более популярен, чем его современник Макс Вебер. Однако вопросы, поставленные Вебером, оказались интереснее для последующего развития науки в XX в. Главный и наиболее известный из моих научных наставников, Иммануил Валлерстайн, признает с неизменной усмешкой в усы, что некогда и сам очень вовремя вышел из моды и утратил шлейф культовых последователей.

Еще один из вдохновителей этих заметок, эволюционный палеонтолог и великий популяризатор науки Стивен Джей Гулд, элегантно-ернически заметил, что крупные ученые не склонны к ношению нимба умильной скромности. Они слишком умны, чтобы не понимать масштаба содеянного. Потому скажем без маскировки под скромность: в этом сборнике отражены не модные сегодня концепции от «Блюхера или милорда глупого», а теоретическое понимание человеческих обществ и исторических систем, чье время придет завтра. Объяснять эти идеи можно доступным языком именно потому, что они покоятся на мощном фундаменте доказательной и связной теории, способной обходиться без флера затуманенной риторики и многозначительных намеков. Это именно теории, которые можно проверять, достраивать, в которых, конечно, нужно искать пробелы и ошибки. Но, главное, подобно тому, как красивые самолеты хорошо летают, так и хорошую теорию можно изложить красиво.

И тут надо сказать несколько слов благодарности тем, кто меня, человека достаточно ленивого, побудили все это насочинять. Во-первых, это декан Фрэнк Саффорд, взявший меня на первую в жизни постоянную преподавательскую должность в один из университетов Чикаго. Техасец в четвертом поколении, раскачивавшийся в глубоком кресле, положив ноги на стол, Фрэнк приветствовал меня по-ковбойски выстрелом прямо в голову: «Хей, так это и есть тот валлерстайновский парень? Скажите, а вам самому где больше всего хотелось бы поправить Великого Мэнни?» Ей-богу, уже не вспомню, как я тогда в ужасе парировал, но Саффорд остался доволен, признав во мне straightshooter, прямолинейного стрелка. Завязалось job interview (собеседование о найме) в ритме перестрелки: «Откуда начнете преподавание всемирной истории? С Колумба? О, нет? С Месопотамии? Неужели с вымирания мамонтов? Отлично. Уверены,

что потянете? Уложите в учебный год? И студенты от скуки не разбегутся? О'кей, добро пожаловать к нам в Чикаго!» Старина Фрэнк спрашивал все абсолютно по делу. Мне предстояло неделю за неделей удерживать внимание сотен американских студентов во время лекций, каким бы ни был материал. Это многому научило.

Во-вторых, наверное, я бы так и излагал все эти занимательные истории с теоретическим смыслом в своих лекциях на английском языке, если бы не дружеское редакторское понукание Алексея Панкина, с неизменно веселым упорством отстаивавшего мои тексты в цензурных комиссиях еще советских, а затем постсоветских времен, и не щедрость Павла Быкова из журнала «Эксперт», где в разные годы появлялись без сокращений многие из этих статей. Впрочем, как показал Рэндалл Коллинз, «эмоциональная энергия» (проще говоря, вдохновение) не приходит без читателей. И здесь мне, провинциалу не вполне русского происхождения, было особенно важно знать, что черновики мои читают и помогают вычитывать Наталья Белых в Нальчике, Эльза Гучинова в Ереване и Александр Фисун в Харькове.

Наконец, скажу спасибо, а также *мадлобт* Валериану Анашвили, великому интеллектуальному книгоиздателю постсоветских времен, который призвал меня собрать статьи под одной обложкой, обозначив сверхзадачу красивым словом «пропедевтика». Пришлось поглядеть в словаре. *Пропедевтика* — существительное, неодушевленное, женский род, 1-е склонение (тип склонения за по классификации А.Зализняка); введение в какую-либо науку или искусство, вводный курс, предшествующий более глубокому изучению предмета. Что ж, вроде бы все так. Эта книга и есть занимательное введение в историческую макросоциологию с привязкой к нашему уголку миросистемы.

Конец знакомого мира

КРИЗИС.¹ Но какой? Конец рейганомики и спекулятивных финансов 1980-х? Шумпетеровское «созидательное разрушение» устаревших монополий? Конец самой американской гегемонии, продолжавшейся почти столетие? А может быть, и по-давно — смещение центров мировой цивилизации и геополитической мощи, 500 лет централизовавших всю миросистему вокруг западного ядра? Может статься, что все вышеназванное, притом одновременно.

Сигнальный кризис семидесятых

Начнем с ближайшей предыстории. В конце 1973 г. ОПЕК, дотоле малозначимый картель стран-экспортеров нефти, впятеро взвинтил цены на свою продукцию, с 3 до 15 тогдашних долларов за баррель, что спровоцировало на Западе экономический кризис. От ОПЕК такого никак не ожидали. Главенствовали в картеле вовсе не бешеные радикалы, наподобие ливийского полковника Каддафи, а консервативные арабские монархии и шахский Иран плюс вполне тогда проамериканская Венесуэла. Эти клиенты США попросту решили немного перетянуть на себя одеяло, воспользовавшись предложением очередной войны с Израилем и замешательством хозяина в Вашингтоне.

1. Написано в сентябре 2008 г.

Взбешенный президент Никсон, который заведомо не мог употребить силу на фоне поражения во Вьетнаме и Уотергейтского скандала, отправил к ближневосточным предателям хитроумного Киссинджера. Результатом, как считается, стала тайная сделка, которая в принципе спасала интересы США, хотя было по европейским союзникам, не говоря уже о большинстве стран Третьего мира. Вкратце, цены на нефть по-прежнему исчислялись только в долларах, которые весь мир должен был покупать у Америки, чтобы расплачиваться с ОПЕК, чьи сверхдоходы затем надлежало вкладывать в банки США. Впрочем, и без всякого тайного сговора иранский шах и арабские шейхи держали бы свои авуары в долларовых счетах, поскольку они не собирались лишиться военного покровительства США. Да и во что, как не в американские ценные бумаги, могли они вложить свои возросшие доходы? Такова сила гегемонии на практике — мировая власть, альтернативы которой не видно.

Тайная дипломатия Киссинджера в течение последующего десятилетия имела множасьщиеся непредвиденные последствия. К примеру, она подпитала неожиданными доходами инертный консерватизм брежневского правления и тем самым обрекла СССР на кризис отложенного действия. Увы, в этой беде наша страна оказалась далеко не одинока, хотя никто этого еще не понимал.

Образовавшаяся на финансовых рынках Запада горячая масса петродолларов искала хоть минимально доходного применения. При этом зрелые промышленные сектора развитых стран, в первую очередь самих США, к началу семидесятых уже столкнулись с проблемами сбыта — провозвестником грядущего структурного кризиса — и, соответственно, с понижением нормы прибыли в ранее флагманских отраслях. С этим столкнулись и некогда славное британское судостроение, и металлургия немецкого Рура, и сам автопром Детройта. Добавьте к «петродолларам» мас-